

УДК 070.19 + 161.11
DOI 10.17223/19986645/31/12

В.Д. Мансурова

«ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ» ЖУРНАЛИСТА В ПРОЕКЦИИ ЕГО РАЦИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

В статье исследуется трансформация подходов к познанию и оценке реальности в современной журналистике, когда на смену рационалистическим установкам журналистского творчества приходят ментальные конструкции «личностного знания» (М. Полани). В ходе анализа публикаций журнала «Русский репортер» показано, как они формируют структуру дискурса журналистского текста, в котором при сохранении в целом объективной модальности высказывания доминирует подчеркнутая субъективность авторской позиции.

Ключевые слова: журналистское творчество, перформативность, репрезентация реальности, дискурс сопереживания, объективность и субъективность, личностное знание журналиста.

Позиция в мире мнений

Весть о «смерти журналистики», еще недавно обсуждавшаяся на различных медиафорумах, несмотря на всю свою спорность, оказалась своевременным сигналом для активизации теоретического осмысления ее современного статуса. Медиатизация журналистской деятельности в качестве «повестки дня» всевозможных научных дискуссий выдвинула вопросы ее кардинальной трансформации. Технологизм, конкуренция с «народными журналистами» и блогерами сфокусировали исследовательские интересы на поиске оптимальных технологических приемов и методов если не первенства, то хотя бы «удержания» журналистики в эпицентре информационных баталий. Между тем практика производителей медиапродукции, уже освоивших конвергентные технологии и цифровой тайм-прессинг («Русский репортер», «Независимая газета», ИД «Алтапресс» и т.п.), убедительно демонстрирует необходимость наполнения медиапродукции качественно новым содержанием.

Оформляя стратегии доминирования в информационном пространстве, лидеры инновационных прорывов, не сговариваясь, обратились к обоснованию принципов деятельности. Кодексы, этические законы, системы управления качеством (как, например, в ИД «Алтапресс»), по сути, предстают как категорический императив мировоззренческого, идейно-нравственного взаимодействия с информацией.

Пройдя всеми путями борьбы за «беспристрастность» и «прецизионность» «новой журналистики», инноваторы попытались раскрыть геном той категории деятельности, которая, как ген *homo sapiens*, уникальна и присуща только журналистике. Как было постулировано еще классиком теории журналистики Е.П. Прохоровым, структурный каркас категории «принцип» образуют идейные, гносеологические и организационные аспекты взаимодействия журналиста с информацией.

«Оптика» журналистского кадрирования глобального пространства информации позволила по-новому увидеть вектор идейности в творческой деятельности. Им стала формула человекоцентристского раскрытия всех перипетий социального бытия. Экзистенциальные проблемы личности, вовлеченной в эсхатологические схватки с глобализирующимся материальным миром, поставлены в эпицентр журналистского проникновения в социальные ситуации современности. В такой парадигме работают очеркисты и комментаторы качественных средств массовой информации, лидирующих в интеллектуальном сегменте массмедиа.

Новое раскрытие социальности заставляет расширять и координаты познавательного потенциала информационной деятельности. Гносеологизм, как апофеоз рационалистического постижения и объективной репрезентации реальности, обогащается прививками новой эпистемологии, в основе которой – чувства, рефлексии и духовный опыт субъективно-личностных открытий. Организационная основа принципа реализуется в оформлении интеллектуального сегмента информационных полей в пространстве массового коммуницирования. Категорический императив деятельности, выраженный таким пониманием ее принципов, требует основательных переоценок профессиональных качеств современного журналиста.

Относительность журналистских «правд», «истин» и открытий – факт общепризнанный. Доступность любого источника информации освободила профессиональных радетелей за нужды человечества от утомительных командировок и поисков данных. Как критически заметил Н. Луман, «достаточно сплавить собственное воззрение на реальность с собственной идентичностью и утвердить ее в качестве проекции. Ведь реальность и без того больше не требует консенсуса» [1. С. 162]. На полосы газет и журналов, на сайты престижных СМИ хлынули потоки откровений, полных чувств и удивлений. Если одних авторов выручает изысканность стиля, то других (и их большинство) не украшает даже «прикольность» выражений по поводу общеизвестных фактов.

Дело в том, что социокультурный ландшафт современной массовой коммуникации переполнен концепциями и идеями, выраженными в разнообразных символических и знаковых формах, отсылающих к несовместимым ранее элементам традиций, ритуалов, обычаев, норм и ценностей. Невербально-сигнальная коммуникация с «лайками», «мемами», «смайликами» и другими технологическими конструктами превращает это коммуникативное пространство в глобальный гипертекст. Проблема достижения «рационального консенсуса» с коммуникантами (в терминологии Ю. Хабермаса) вырастает до масштабов тотального «апгрейда» творческих методов журналистского постижения действительности.

Социальность журналистского творчества трансформировалась, пройдя путь от явного (эксплицитного) выражения к скрытому (имплицитному) кодированию, ведь современная аудитория весьма скептически относится к повелительному наклонению в речи журналиста, продуцирующего рецепты социального благополучия. Гораздо легче интуитивно согласиться с каким-либо пусть даже субъективным утверждением, чем позволить убедить себя строгой логикой и аргументацией. Все чаще суть отражаемой реальности

преломляется сквозь призму личной позиции журналиста, который отказывается от прямых оценок и предоставления решений проблемы, подробного описания пространственно-временных параметров в социальном аспекте. Такого рода индивидуальная (приватная) социальность может обнаруживаться в сфере владения и манипуляции культурными феноменами и социальными стереотипами.

Объективность и беспристрастность журналистского воспроизведения реальности, еще недавно ценимые как качество адекватности творческого процесса, однозначно уступили социальным и аксиологическим аспектам его результатов. На смену традициям рационализма, положенным в основу журналистского метода постижения жизни, пришло «личностное знание». Идея английского философа М. Полани о том, что «явное знание» об объекте и предмете не всегда есть результат эксперимента или опыта [2], как нельзя кстати пришлось журналистам, бросившимся вдогонку за оперативностью блогеров. Явно обозначилась тенденция доминирования журналистских текстов, насыщенных субъективными суждениями, оторванными не только от логики событий, но и логических обоснований сакраментальных умозаключений. Как бы ни маркировалась подобная журналистская практика, она становится тотальной. Следовательно, феномен «личностного знания» журналистов, профессионально обязанных поставлять социально значимую и ценную для общества информацию, требует своего теоретического рассмотрения.

Инстанция смысла

Традиционная методология, при всей разработанности разнообразных подходов к изучению текста (как интегративного результата творчества), способна продемонстрировать лишь «неявное знание» об этимологии и сути его дискурса. Составной частью концепции М. Полани о неустраимости личностного фактора из процесса познания является его тезис о роли «интеллектуальных чувств» – чувства красоты, интереса, эвристического чувства, чувства убежденности. Фантомные критерии, не поддающиеся измерениям и традиционной типологии!

Следовательно, теоретический анализ «личностного знания», воплощенного в журналистском тексте, может представлять собой междисциплинарный синтез методов, крайне редко рассматриваемых в качестве взаимодополняющих: социологических, семиотических, психологических, феноменологических, культурологических. Появление все большего количества текстов, которые должны будут отличаться не фактурой, а подлинным интеллектуальным богатством и ценностным смыслом, выдвигает требования иного типа научности, герменевтической, интерпретативной природы. Ведь то, что обосновывают ученые – последователи идей М. Полани, давно стало семантикой добротного журналистского «личностного знания»: люди имеют дело не столько с фактами, сколько с предметами их интереса.

Исходной позицией подобного анализа является признание трансформации перформативной роли журналиста в социальном коммуницировании. Впервые, если в традиции «убеждающей» журналистики ему предписывалась роль открывателя истин, то в парадигме социального взаимодействия в процессе коммуникации он предстает в роли «собирателя» смысла и модератора порождения семантических связей с наличными фактами и данными. Во-

вторых, журналист «вписан» в контекст обсуждаемой ситуации или проблемы и обязан соблюдать границы артикулируемых дискурсов (иначе не возможен «рациональный консенсус»!). В-третьих, изменяется форма выражения модальности в журналистском тексте. Уклоняясь от прямых и категоричных оценок, журналист прибегает к объективной модальности, опираясь на интерпретацию фактов. Таким образом, он не конструирует социальное взаимодействие, а устанавливает связи между знаниями, социальными процессами и социальным поведением. По заключению немецкого социолога Герхарда Шульце, «общество потребления» эволюционирует в «общество переживания» [3]. Мир чувств во всем многообразии оттенков, оттесняя фактологичность его репрезентации, перемещается в эпицентр всеобщего внимания и интереса.

Именно подобными обстоятельствами можно объяснить факт «выбывания» из пространства публичного внимания общественности журналистики сиюминутного «набега» на реальность. Ими же объясняется небывалая популярность публикаций журнала «Русский репортер», собравшего «цвет» репортеров отечественной журналистики. Авторы статей, очерков и репортажей не декларируют своего первенства в новостном спринте. Их амплуа – погружение в новостные потоки с целью вызвать интеллектуальный отклик у аудитории, из множества информационных источников имеющей представление о том, «что, где и когда» произошло. Информация в коммуникационной системе уже доступна и интертекстуальна, журналисту достаточно лишь сослаться на какой-либо факт, намекнуть, процитировать известную фразу, чтобы стать социальным «навигатором» и реализовать функцию выявления социального смысла в приемлемой форме. Благодаря концентрации смысла и предопределенности реакции на стереотип авторам не требуются длительной процедуры аргументации и анализа, они задают вектор смыслообразования, заранее соотнесенный с эмоциональным ответом.

«Личностное знание» журналистов при этом не есть конгломерат сведений из различных сфер жизни. Фоновое, по выражению М. Полани, «неявное знание» – это знание культурных универсалий и социокодов, рационалистических ценностей общества и его сообществ. Когнитивная адаптация новых знаний, сопряженных с «фоновым», позволяет делать понятной и адекватной публике суть любой социальности. Даже при репрезентации событий, ожидаемо неоднозначно воспринимаемых ею. Так, как это представлено, к примеру, в репортажах Дмитрия Соколова-Митрича «Бразилия такая Бразилия» [4] и Марины Ахмедовой «Бабай и люди» [5].

Дискурс сопереживания

Оба репортажа – социально-психологический, сюрреалистический «скриншот» событий, к которым приковано внимание всего мира: чемпионат мира по футболу и противостояние на Украине. Предметом взыскательного взгляда журналистов становится не пространство спортивных баталий и грохот орудий в гражданской войне. В репортаже Д. Соколова-Митрича – это культура и быт простых бразильцев, их жизнь, бурлящая в фавелах и на фоне экзотической природы. В репортаже Марины Ахмедовой – тревожная ситуация в осажденном украинском городе и будничное мужество его обитателей. И в том и другом репортажах авторами профессионально очерчены «границы артикулируемых

дискурсов», понимаемых как «...особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [6. С. 18], и представленных как дискурсы «сопереживания» людям и моментам их жизни.

В противовес традиционному событийному репортажу, когда автор непосредственно воспроизводит хронику происшедшего, дискурс сопереживания предполагает особую модальность выражения авторской сопричастности ситуации. Многое из того, что видит Д. Соколов-Митрич в повседневной жизни нестоличной Бразилии, не может не вызвать его удивления и неприятия: нищета, уличная преступность, безработица – с одной стороны, терпение людей, трудолюбие, оптимизм и фанатическая любовь к футболу как национальная идея – с другой. Марина Ахмедова, оказавшись в расположении так называемых «ополченцев» – противников официальной киевской власти, наблюдает явное отсутствие порядка на территории, выделяет людей страдающих и, наоборот, упивающихся своей властью. Оба репортера обращаются к якобы случайному «сканированию» ситуаций, воспроизводят реплики людей, не выражая личностных оценок. И эта объективно выраженная модальность структурирует дискурсивную конструкцию «сопереживания» – уже на уровне коммуникации с аудиторией, возможно, критически настроенной по отношению к предмету репортерских откровений.

Как достигается «рациональный консенсус»? Механизм смыслообразования в дискурсивных конструктах социальности прослежен многими теоретиками дискурс-анализа. Один из методов, наиболее идентично раскрывающий внутреннюю структуру движения и самоорганизации смысла в процессе интерпретации фактов и явлений действительности, описывается исследователями коммуникации из Дании и Швеции Луизой Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен в работе «Дискурс-анализ. Теория и метод». Представляя постструктуралистскую теорию дискурса Эрнесто Лакло и Шантала Муффа, основной тезис которой – «...дискурс формирует социальный мир с помощью значений» [6. С. 26], они выделяют следующие «инструменты эмпирического анализа:

- узловые точки, ключевые знаки и мифы, которые, в общем, можно назвать основными знаками в структуре дискурса;
- цепочки эквивалентности относятся к формированию значений основных знаков;
- понятия, касающиеся идентичности: формирование группы, идентичность и представительство;
- понятия для анализа конфликта: изменчивые знаки, антагонизм и гегемония» [6. С. 95].

Важно и сделанное исследователями обобщение порядка анализа: «...узловые точки организуют дискурсы, ключевые знаки организуют идентичность, и мифы организуют социальное пространство. Все эти понятия относятся к основным знакам в социальной организации значения» [6. С. 95].

Поиск консенсуса в «сопереживании» момента, отраженного в репортажах на «злобу дня», требует особого «интерфейса» для погружения в «мир повседневности». Трактующий в духе концепций А. Шюца как сфера человеческого опыта, мир повседневности не просто субъективен, он является интесубъективным миром культуры. «Он интесубъективен, – пишет

А. Щюц, – так как мы живем среди других людей, нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание. Он – мир культуры, ибо с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [7. С. 130]. А. Щюц справедливо отмечает, что лишь очень малая часть знания о мире рождается в личном опыте. Большая часть имеет социальное происхождение [7. С. 131].

Структурирование смысла репрезентируемой реальности в условиях постмодернистского «индивидуализированного общества» (З. Бауман) и «симуляции всех систем референции» (Ж. Бодрийар), циркуляции извращенных пропагандой фактов – задача не из легких.

В репортаже Марины Ахмедовой отражен будничны́й быт горожан и базирующихся рядом с ними ополченцев. В поле зрения журналистки – только факты: детский дом «Малютка», пожилая женщина, которая разыскивает сына, предположительно попавшего в плен, ополченцы, удерживающие осаду города. Дискурсивная структура репортажа держится на ключевых образах, знакомых по детской страшилке про ужасного Бабая, который придет и накажет за плохие поступки. Репортаж не случайно делится на части с подзаголовками: «Дети», «Мама», «Бабай». Ситуация страха и неопределенности передается в диалогах людей, реплики которых «выстроены» автором в логике «невероятности очевидного»: *«Тетя, а у нас война, – мальчик лет семи строит в песочнице замок при помощи упаковок из-под йогурта. – Ты знаешь, что такое война? – Это когда дяди стреляют, – отвечаю ему. – Нет, это когда убивают людей»; «Вы знаете, кем вас считают? – Кем? – Рабочим быдлом. И какая разница, больше вас на четыре или меньше? – сказав это, я поворачиваюсь к автоматчику, сидящему за моей спиной, и делаю ему знаки рукой – не нервничать».* Сам смысл назидательной «сказки» раскрывается в деталях, семантически удаленных по своему исходному значению: мальчик семи лет, худая костлявая старушка, грузовик с зеленой цистерной, на которой написано «Питьевая вода», белые простыни с надписями «Не стреляйте!», автомобильные покрышки – одинаковые, что на территории детского дома и на блокпостах, автоматы, лезвие ножа, волчья папаха с хвостом, войско крестово.

Основным смыслообразующим знаком в структуре дискурса становится притча, рассказанная командиром ополчения по прозвищу «Бабай», о том, почему Бог собирает войско на войну со злом и почему они, мирные ремесленники и пахари, взяли за оружие. И фантазмагория происходящего без назидательности объясняется «новым Бабаем»: *«И что будет целью этого войска? – Православие. Бог. Библия. Мы Божьи воины ...И бросили все, и пошли. Все-все-все. Но то были казаки. – А что такое, по-вашему, зло? – Зло? Вот смотрите, есть добро и есть зло. Есть Бог и есть дьявол. Бог – это добро, единое целое. В мире Бога есть десять заповедей, и больше никакого закона не надо».*

Хрестоматийная, веками нерешаемая коллизия оправдания «зла во имя добра» просто обязывает автора выразить свою оценку подобной трактовки. И она звучит в финале репортажа: *«И как вы справляетесь с таким пунктом заповедей, как «Не убий»? – Ну... У нас у казаков все намного проще. Бог ска-*

зал: *«Кто хулит веру мою, того убей!»*. Ко-валентными, т.е. самоорганизующимися новые смыслы, становятся пространственно-временные детали событий и поступков людей, их реплики и суждения. Семантический язык как объяснительная сила делает сложное простым, запутанное – понятным, неясное – самоочевидным. Семантическая простота фактов, деталей, фраз и выражений позволяет Марине Ахмедовой решить сложнейшую задачу отыскания смысла в хаосе наблюдаемых событий, не высказывая категоричных выводов. Как подтверждает наука, «парадоксально при этом то, что максимальное творческое самовыражение субъекта соответствует максимальной объективности, подлинности результатов творчества. Иначе говоря, максимум личностного, субъективного в творце снимает это личностное или даже начисто уничтожает его и дает подлинно объективную картину бытия» [8. С. 121–122].

В репортаже Д. Соколова-Митрича интерсубъективность в осмыслении наблюдаемой действительности структурирована чрезвычайным многообразием знаков материальной и духовной культуры, с трудом сопрягающихся с распространенными в массе представлениями о футбольной столице мира. Маркерами их очевидного расхождения с реальностью являются ощущения «опасности», «непредсказуемости», «всеобщего беспорядка» и вместе с этим – оптимизма и добродушия людей, восхищения их энергией и чисто бразильской страстью: *«Если вас не ограбят и не убьют, вам здесь очень понравится. Если ограбят или убьют, не понравится вовсе... Попрошайничество, стилизованное под криминал, – хит сезона в Рио-де-Жанейро»... Вилла Мимоза, одна из крупнейших и беднейших проституционных, главный рынок секса для нищих. Если хотите познать весь экзистенциальный ужас мира сего, лучше проведите ночь на холодном столе в морге бок о бок с трупами, но только не ходите на Виллу Мимозу»*.

Знаки опасности – начало интриги всего репортажа. Ведь Рио-де-Жанейро – мечта миллионов людей и к тому же – столица «бразильского экономического чуда», которое сделало страну ведущей в экономике БРИКС. Разыгрывая детективный сюжет, репортер показывает рядовых обитателей фавел и столичных чиновников, торговков на рынке и представителей интеллигенции. «Разгадка» невообразимого блеска Рио дается в соотносении реалий со знаками разнопорядкового ментального уровня: бытовой культуры (*чесночный прилавок, смотрящие, шопинг-центр, «Хочешь жить, умей вертеться – главный закон жейтиньо бразилейро»*); артефактов (*прайм-тайм, черепашки-ниндзя, «Город Сантарен – самое сердце Амазонии – весь размайданен украинскими флагами. Зрелище, достойное «Аватара»*); традиций (*«Любимый жест – поднятый вверх большой палец – тут вместо улыбки»*); мифов и преданий (*«Непереводимое понятие маландро – это высшая степень бразильской мужской крутизны. Маландро в древних культурах называли человека, находящегося под воздействием духа ночи Макумбы. Это состояние такого творческого неконтролируемого бешенства, в результате которого происходит очищение души»*).

В фейерверке знаков, связывающих «цепочки эквивалентности» их значений, как сигнал «Эврика!», звучит, наконец, возглас, слышимый автором репортажа отовсюду: *«Бразил бразилейро! «Бразильская Бразилия!» – это не*

злбный скрип зубов, а возглас восхищения. Что-то вроде «Бразилия такая Бразилия» или «умом Бразилию не понять», но только у нас аналогичные фразы означают «ненавижу эту страну», а у них, наоборот, «обожаю»... Бразильцы вообще, а кариоки особенно, живут эмоциональными взрывами. Если они чем-то вдохновятся по-настоящему, то всех порвут. А не вдохновятся – извини, дорогой, «Бразил бразилейро».

Ключевым образом, важным для авторской оценки эффекта подобного «градуса страсти», становится столичный город Бразилиа, выстроенный на голом месте по проекту гения архитектуры Оскара Нимейера. Избегая эмоциональной оценочности значения этого прорыва в развитии государства, репортер прибегает к сравнению: «Как и Питер, город Бразилиа стал выставкой самых передовых и смелых архитектурных решений своего времени и внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО». В опоре на реальные факты и символику их значений реализуется семантика объективной модальности репортерского открытия столицы мирового футбола.

Таким образом, соизмеримость и взаимосвязь семантически удаленных концептов и всего многообразия ментальных структур творческой репрезентации бытия зиждется на их валентности – способности вступать в неожиданные и потому яркие связи. Благодаря этому экстраполяция «личностного знания» журналиста на область познаваемой и оцениваемой реальности способна создавать эффект «семантической избыточности», которая приобретает форму рационально выраженного суждения. «Интеллектуальные качества», присущие «личностному знанию», по мысли М. Полани, сближают научное и эстетическое творчество. Ведь не случайно даже понятие объективной истины М. Полани определяет такими категориями, как красота, оригинальность, интерес, чувство убежденности [2. Р. 143]. Критерии, родственные журналистскому творчеству.

Литература

1. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2012. 240 с.
2. Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. Chicago, 1958. 428 p.
3. Schulze G. Lie Erlebnis-Gesellschaft: kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt, 1992. 210 s.
4. Соколов-Митрич Д. Бразилия такая Бразилия // Русский репортер. 2014. 19 июня [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2014/06/19/braziliya-takaya-braziliya/>
5. Ахмедова М. Бабай и люди // Русский репортер. 2014. 4 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2014/07/04/babaj-i-lyudi>
6. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков, 2008. 352 с.
7. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 115–156.
8. Князева Е.Н. Интерсубъективность с позиций энактивизма // Интерсубъективность в науке и философии. М., 2014. С. 106–122.

Mansurova Valentina D., Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mvd1951@mail.ru

"PERSONAL KNOWLEDGE" OF A JOURNALIST IN THE PROJECTION OF THEIR RATIONAL SUBJECTIVISM.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 5 (31), pp. 153–161. DOI 10.17223/19986645/31/12

Keywords: journalist text performativity, rational subjectivism of a journalist, rational consensus, personal knowledge, objective modality, involvement discourse, semantic redundancy, intertextuality of journalism discourse.

In the paper, a new approach to the understanding and evaluating of reality by a journalist is presented. The author's concept is based on an acknowledgment of the fact that journalism, among all mass communications, acts as an analyst and navigator in the information space. The author makes an assumption in the process of analysis that the performative role of a journalist investigating social problems is significantly increased, and methodology of reality understanding is changing from gnoseology to new epistemology. Its main task is to analyze the existential sides of life. It is found that rational traditions of reality understanding by a journalist are being replaced by "personal knowledge". In accordance with the theory of "personal knowledge" by philosopher M. Polanyi, "intellectual passion" plays its special part in every artwork: beauty, interest, heuristics, determination. They are the basis for every discovery. The author uncovers that journalism mission to investigate the sociality defines the importance of "personal knowledge" of a journalist in the reality representation. It is supported by the growth trend of journalist texts predominance with subjective thoughts and arguments.

At the same time, as practice shows, modern audience is skeptical about subjective conclusions and arguments of journalists. Modern people of "society of adventure" by G. Schultze (*Erlebnisgesellschaft*) are interested not only in simple facts, but in their meanings. The question is how to express the axiological meanings of facts and events.

The analysis of journalist works demonstrates that a journalist has to become a moderator of the semantic linkage process between facts and data. Discourse analysis of texts in *The Russian Reporter* magazine (journalists D. Sokolov-Mitrich "Brasil is so Brasil" and M. Akhmedova "BoogieMan and People") proves such a method to be effective in its rational subjectivism of reality representation. Social importance of events representation is expressed with maximum subjectivism in the discourse of journalist involvement in those events. However, that subjectivism is heuristic, so conclusions and opinions are left to the audience. That is the goal of a professional journalist.

"Rational consensus" (J. Habermas) with the audience may be reached only within an adequate discourse as a process of communication. This thesis is confirmed by conducting the content analysis of journalistic stories. It is found out that a journalist text discourse structure is formed by mental constructs of "personal knowledge". The semantic structure of the discourse is intertextual, which allows the journalist to provide personal opinions and conclusions. While avoiding of being direct and judgmental, the journalist should use the objective modality and provide interpretation of facts. Extrapolation of journalist's "personal knowledge" on the scope of reality being understood and evaluated creates the effect of semantic redundancy in the form of rational opinion or conclusion.

References

1. Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [Reality of the media]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. 240 p.
2. Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago, 1958. 428 p.
3. Schulze G. *Lie Erlebnis-Gesellschaft: kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt, 1992. 210 p.
4. Sokolov-Mitrich D. Braziliya takaya Braziliya [Brasil is so Brasil]. *Russkiy reporter*, 2014, June 19. Available at: <http://www.rusrep.ru/article/2014/06/19/braziliya-takaya-braziliya/>.
5. Akhmedova M. Babay i lyudi [BoogieMan and People]. *Russkiy reporter*, 2014, July 4. Available at: <http://www.rusrep.ru/article/2014/07/04/babaj-i-lyudi>.
6. Jorgensen M., Philips L., *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr Publ., 2004. 352 p.
7. Schutz A. *Struktury povsednevnogo myshleniya* [Structures of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1988, no. 2, pp. 129–137.
8. Knyazeva E.N. *Intersub'ektivnost' s pozitsiy enaktivizma* [Intersubjectivity from the positions of enactivism]. In: Smirnova N.M. (ed.) *Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii* [Intersubjectivity in science and philosophy]. Moscow: Kanon+ Publ., 2014, pp. 106–122.